

РИНАТ ВАЛИУЛЛИН

Я КРАСИВА
УМНА
КУСАЮСЬ

18+

Женщине
много
не надо,
ей нужно все

Ринат Рифович Валиуллин
Я красива. Я умна. Я кусаюсь
Серия «Весна, лето, осень, зима»
Серия «Я», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69245398

Я красива. Я умна. Я кусаюсь. [сборник рассказов]: АСТ; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-151567-6

Аннотация

«Я красива. Я умна. Я кусаюсь» – она произносила эти слова всякий раз, когда жизнь подкидывала новые трудности. Именно эти слова позволяли почувствовать силу сегодня и уверенность завтра, именно они не давали проникнуть в ее душу всяким проходимцам, которые отнимали время. То самое время, когда она могла быть счастлива. «Я красива.

Я умна. Я кусаюсь» – первая книга из новой серии. Серия «Я» – истории про тебя.

Содержание

Тонкие стены	5
8 Марта	19
Народная	23
Вера в Деда Мороза	29
Знакомство средней обжарки	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ринат Рифович Валиуллин

Я красива. Я умна. Я кусаюсь

Сборник рассказов

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

В книге присутствуют упоминания социальной сети (Instagram) относящейся к компании Meta, признанной в России экстремистской и чья деятельность в России запрещена.

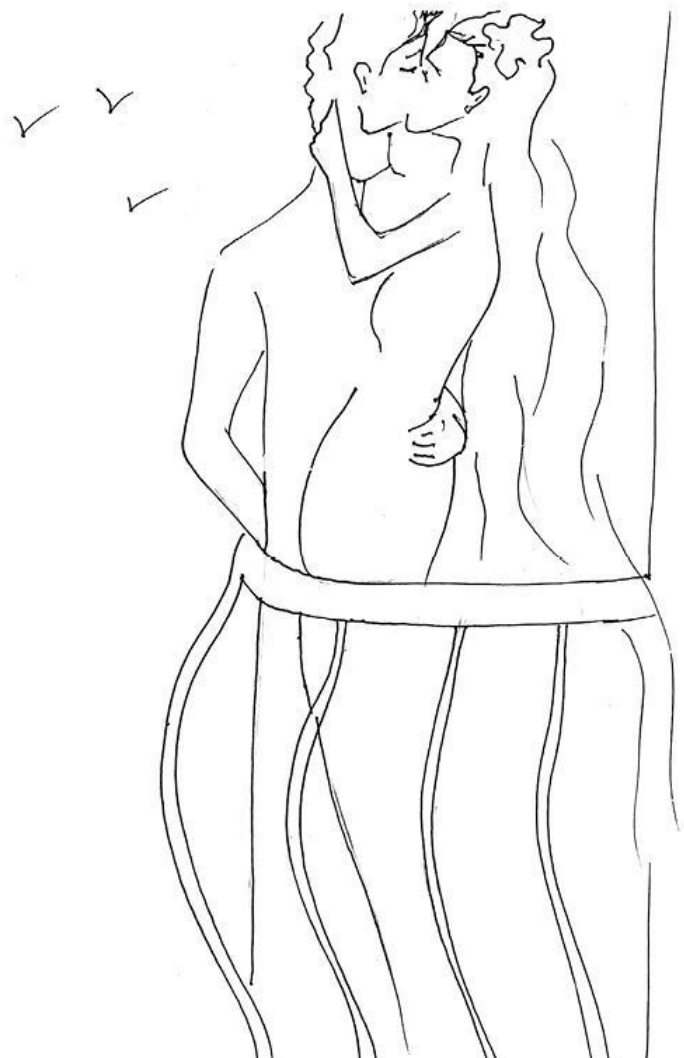
© Р. Валиуллин, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Тонкие стены

За девушкой надо ухаживать. То, что ты пишешь ей день и ночь, еще ничего не решает, считай, что ты просто заполняешь анкету, чтобы устроиться к ней на работу.

Мы спотыкаемся там, где влюбились, мы падаем, где нас бросили, мы пытаемся подняться там, где нас любили. Меня зовут Миранда. Итак, я потеряла работу. Общество в лице директора небольшого издательства сказал, что больше не нуждается в стенографистках. Я почувствовала себя Америкой в эпоху глубокого кризиса, душа моя была разбита на штаты, в каждом из которых случилась своя внештатная ситуация, все, что соединяло их, это только желание как можно быстрее чем-то заполнить эту озоновую дыру. Я нервничала, я переживала, но как такое пережить, в результате то и дело выходила из себя. Мой психолог, которого я, похоже, уже достала, однажды положил меня обратно одной фразой: «Кем вы работали? Стенографисткой. Вот идите и пишите свои стены».

Благо мне было куда идти. Небольшая квартирка в панельном доме, которая досталась мне от бабушки, как-никак, но грела. Я вышла на балкон, посмотрела на новый красивый дом напротив, террасы которого поблескивали уютным оранжевым стеклом, и тот казался некой близкой мечтой, где я хотела бы оказаться. «Дом тоже способен обнять» — было написано на большом баннере одной из террас. В Испании все знали компанию Alegria, все недвижимое под ее чутким руководством вдруг становилось движимым и перспективным, а теплое имя как нельзя лучше внушало, что смысл жизни заключается в радости. Именно так переводили

лось с испанского название фирмы. Я подняла глаза чуть выше и увидела мужчину, который курил на террасе. Он был в одних трусах. Вид его был а-ля беззаботный сегодня и уверенный завтра; я оперлась о перила и смотрела на него, будто пыталась спросить: «Как вам там живется, в мечте?»

Мужчина в ответ почесал свое причинное.

«Все заеби...» – прочла я в его жесте и продолжила немой диалог.

Еще бы, в таком прекрасном доме – что он мог еще ответить.

«Как вам это удалось?»

Мужчина выпустил дым в небо.

Умеете очень хорошо пускать дым в глаза... По крайней мере честно. А то начал бы про то, что для этого надо много работать, сразу стало бы скучно.

«Раз вы такой умный, может, вы знаете, что такое писать стены?»

Мужик почесал голову, затушил сигарету и исчез.

«Думай сама», – перевела я.

Все мужчины одинаковы, когда у них нет готового ответа на поставленные вопросы, они уходят.

Она представила на минутку себя рядом с этим мужчиной в трусах, что она его жена, которая не любила его, просто осталась с ним ради удобств. Стало немного не по себе.

– Может, займемся любовью?

– Безответная тебя устроит?

Так сразу захотелось ему ответить. Секс с нелюбимым человеком – что может быть хуже? Ничего... пожалуй, ничего у нас не выйдет. Придется самой. Ни в коем случае не хотелось быть от кого-то зависимой. Даже ради такой квартиры.

«В одном ты прав, мужик: чтобы осуществить мечту, надо хорошенько подумать. Заболталась я с тобой, пойду думать, анализировать, не спать», – еще раз окинула я взглядом мечту и вернулась в свою конуру с тонкими стенами. Стены действительно будто бумажные. Слышимость идеальная. Мне казалось, я слышала все квартиры сразу. Это было одной из причин того, что хотелось переехать в дом напротив, где стены внушали доверие. Здесь же все доверительные разговоры становились легкой добычей соседей. За стеной ругались, там кипела настоящая жизнь.

– Хватит уже кричать, дорогая. Может, кофе?

– Кофе? Это все, на что ты способен.

– А ты?

– Кажется, с тобой я была готова на все, но все никто так и не предложил.

– Раньше ты говорила, что тебе много не надо, тебе надо с чувством.

– Да, много не надо, мне нужно все.

Это диалог за стенкой спальни занимал Миранду. Она уже прекрасно знала эти голоса. Мужчина и женщина. Парочка

так красиво ругалась, что можно было записывать. Но ей было некогда, потому что надо было приготовить обед.

Миранда прошла на кухню и достала из холодильника курицу.

– Какая же ты курица.

– Сама ты курица.

По голосу ссорились две сестры, она их знала, потому что часто видела во дворе вместе с матерью. Одна из куриц была чуть старше. Они все время ругались. Именно из-за этого у меня частенько пригорал обед. Заслушивалась.

Было в ругани что-то притягательное, но жутко неудобное, от чего хотелось избавиться, как от камешка в ботинке. Скорее всего, им было все равно, слышит их кто-то или нет.

– Мне все равно, что ты обо мне думаешь.

– Ты все время искажаешь смысл моих слов.

– Я не думаю, если ты об этом. О своем друге. Но зачем ты привела его в дом, да еще спала с ним на моей постели?!

– Все это напоминает мне сказку «Три медведя».

– Их было трое? Вот это поворот.

– Я же говорю, что ты все время искажаешь мои слова и не только слова, но и мысли. Это была чистая любовь, если ты хочешь знать.

– Ну, конечно, а постель грязная. Любовь чистая, а постель грязная.

– Хватит завидовать, Хулия. Я же не виновата, что ты все еще в девках.

– Мне никто не нужен. Разве я виновата, что не могу провести вместе с парнем и дня, не сказав ему правды, от которой он меня возненавидит. Я не могу сидеть и молчать, как некоторые. Да, прежде чем тащить человека в постель, мне надо с ним поговорить, узнать его ближе.

– Романтика – это твоё кредо.

– Вот и не отнимай.

– Я должна с этим смириться.

– Нет, ты должна мне три евро.

– За что?

– Ровно столько я потратила на стирку белья.

– Хорошо.

– Ничего хорошего. Знаешь, какая я была злая на тебя. Я так любила тебя. Для меня был полным разочарованием этот проходимец.

– Если ты хочешь ударить меня, сделай это... Но я должна тебя предупредить, где гарантии, что я не начну получать от этого удовольствие.

– Ах ты, зараза. Ты всегда знаешь, как выкрутиться.

Миранда поставила курицу и вернулась в зал. Там шел футбол. Она пыталась сосредоточиться на том, как ей жить дальше, что делать. Она по инерции вставила в свою печатную машинку листок и провела руками по клавишам.

- Можно сделать потише?
- Нет. Принеси лучше пива.
- Я тебе не официантка, а ты не в баре.
- С тобой всегда было трудно.
- Можно подумать, что с тобой легко.
- Можно просто помолчать.
- Да, можно не думать.

Для Миранды это была знакомая история. Ее дед тоже был заядлым болельщиком. В те самые дни матчей в стране царил футбол, матч за путевку на ЧМ. Все, как придурки, прилипли к экранам, будто этот матч был для них важнее всего на свете, важнее их личной жизни. Даже не финал, ощущение было такое, что если наша команда проиграет, наступит конец света. Все собрались в барах, в холлах гостиниц, где стоял большой телевизор. Настолько большой, что можно было запросто забежать в него и оказаться на поле. В первом ряду сидел директор базы и тренеры. Две команды гоняли между собой мяч, пытаясь как-то его прикормить, приручить, чтобы после затащить в ворота соперника. Все орало как ненормальные, едва мяч приближался к чужим воротам. Страна играла в футбол. Болела хорошо, играла плохо. Дед смотрел футбол дома, все время с досадой размахивал руками после очередного промаха наших. Бабушка смотре-

ла на него снисходительно, но никак не хотела снизойти, тем самым лишний раз подчеркивая, что мы здесь теряем время. Могли бы заняться чем-нибудь приятным.

– Ты куда?

– К любовнику.

– Зачем к любовнику? – весь поглощенный матчем спрашивал дед.

– Чтобы любил.

– А я что, разве не люблю?

– Ты любишь футбол.

– Слушай, это же только один раз в жизни бывает такой матч.

– Я тоже один раз. Или ты думаешь, таких, как я, завалишь?

– Я не думаю.

– Не думай дальше, пошла я.

– А как же футбол?

– Никак.

– Если ты в магазин, купи пива.

– Ладно. Пошли, Миранда.

– Миранда, слышишь меня или нет? Шевелись! О чем ты все время думаешь? – будто услышала голос бабушки Миранда, все еще сидя перед чистым листом бумаги. Начать с чистого листа не получалось. Тем более что наши забили гол. Дом закричал и запрыгал. А потом через несколько минут наступила тишина. Видимо, пропустили.

В памяти всплыл летний лагерь, соревнования в бассейне, где все тоже шумели и галдели, поддерживая своих, все, кроме тренера нашей команды по плаванию, колоритного лысоватого мужчины в красной майке и с секундомером на шее. Он сидел на трибуне и смотрел на нас обреченно. Выражение его лица выглядело нецензурным, настолько красноречивым, будто соревновалось в красноте с футболкой. Открытым текстом читалось, что нам в случае поражения будет лучше утопиться с горя, чем видеть горе его. Я уже знала, что если мы выиграем, то он напьется, а если проиграем, то он напьется так, что неделю его не будет видно на горизонте.

Я увидела, как позади него появилась Грета, вот что мне подсказывало сердце. Она помахала мне рукой и села рядом с Дэном, я тоже помахала ей в ответ. Между теми махами, которыми я пыталась еще сильнее разогреть свое тело, а скорее всего движениями этими мне хотелось быстрее подогнать к финишу Хорхе, который все еще боролся там на середине бассейна со стихией. Конечно, ему было сложно, он ковырялся еле-еле, будто у него не было одной руки.

Возможно, если бы он мог видеть, что сейчас рядом с Гретой рассаживались еще несколько подружек-гимнасток, среди которых была и Сальма, по которой он сох (даже сейчас, будучи в воде), хотя шансов у него не было никаких, она — дочка директора центра. Девочка симпатичная, но заносчивая, а голова у нее была завалена всякой ерундой. С ней можно было провести некоторое время, пока она не начнет со-

вать свой длинный нос (нос у нее действительно был длинноват, но длинные ноги все компенсировали) в дела людей, которых ты знать не знаешь. Знай он, что она сейчас смотрит на него, он начал бы по обыкновению сохнуть, и, возможно, ему было бы легче плыть.

Ах, как же нам не хватало сейчас этой легкости, потому что две соседние дорожки уже плыли кролем и разрыв между нами, между нашим брассом и их кролем, теперь начал увеличиваться с геометрической быстротой. Все равно что лягушка пыталась догнать окуня и щуку.

Я уже стояла на тумбочке и видела в воде человека в плавательных очках и в синей шапочке, который приготовился к прыжку, будто вот-вот хотел наброситься на меня, когда Хорхе вытянулся в последний раз.

Едва он коснулся бортика, я вылетела с тумбочки, насколько это было в моих силах. Прохладная пучина поглотила тело, я сделала несколько мощных движений тазом, будто пыталась проникнуть, протиснуться в самую сущность воды, в ту невесомость, где тело мое стало космическим.

Так прошло лето, потом осень, потом зима, весна, снова лето. Снова я вышла на балкон и встретила мужчину в трусах и с сигаретой, который теперь стоял рядом и курил на соседней террасе. Он многозначительно посмотрел на меня:

- Как вам это удалось?
- Вы про книгу?
- Гм, – замялся мужчина.

– Я сама не знаю. Мне до сих пор не верится, что можно проснуться однажды знаменитой. Я думала, что такое бывает только в американских фильмах.

– Нет, как вы оказались здесь? Вы же недавно только были в доме напротив. А теперь в моем.

– А, извините, я думала вы из... В общем... Не важно. Если вы об этом. О доме. Так два года прошло.

– Два года? Не может быть. А что за книга?

– Ну, это долгая история.

– Я так понимаю, теперь мы соседи, так что время есть.

– Вижу, у вас его прямо вагон.

– Да вы не обижайтесь. Я правда про книгу ничего не знаю. Практически не читаю.

– Я тоже не знаю, с чего начать.

– С самого начала.

– Меня уволили, я была стенографисткой, а печатать жуть как хотелось, но что? Я начала слышать то, что говорят стены.

– Стены?

– Один добрый человек мне посоветовал. Если бы вы знали, какие в том доме были стены.

– Знаю. Здесь железобетон. Ни писка от меня не услышите.

– А там стены тонкие настолько, что все жизни как на ладони, причем в каждой комнате своя. Вот я их и записала. Потом дала почитать подруге. Та без моего ведома отнес-

ла рукопись своему другу, редактору одного из издательств. В один прекрасный день вдруг звонок. Приятный мужской голос приятно удивляет меня и предлагает контракт на книгу.

– Похоже на сказку.

– Не, сказка была потом. Когда книга вышла, сначала небольшим тиражом, потом еще и еще, будто шаги на пути к мечте. Пока я вдруг ясно не ощутила, что ее уже можно достать рукой и потрогать.

– А какая была мечта?

– Переехать в этот дом. Я продала свою квартиру, добавила гонорар – и вуаля, вот я здесь, рядом с вами. В доме с оранжевыми террасами.

– Аллилуйя!

– Алегрия, – с улыбкой парировала я.

– Чудеса. А я выходил покурить, а вас все нет и нет. Вы, оказывается, вся в делах. Деловая женщина.

– Скучали?

– Еще как скучал. Даже бросил курить, – затушил сигарету мужчина.

– Бросили?

– Да, бросал много раз, – бросил он окурок в свою пепельницу.

– Ну и как?

– Не помогло. Вы так и не вышли ни разу.

– Не люблю большие дистанции.

– Так вы работали над ее сокращением?!

– Просто хотела разглядеть вас поближе, – рассмеялась

Миранда.

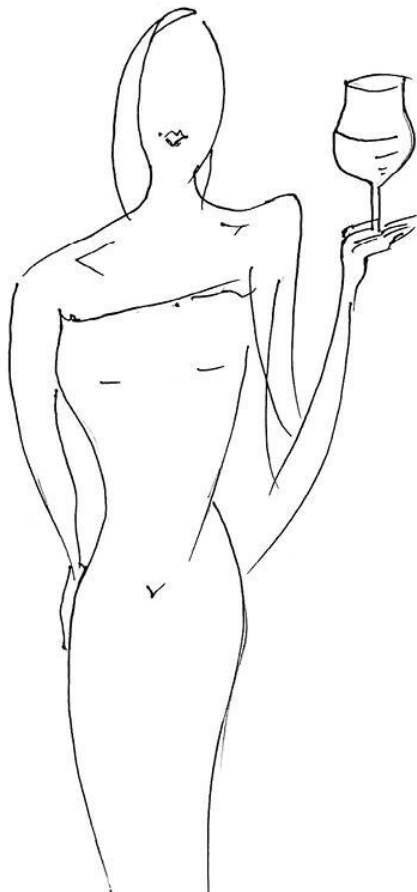
– Тогда, может быть, кофе?

– А крепче ничего нет?

– Есть. Чувства.

– Тогда лучше кофе.

8 Марта

Анна всегда появлялась внезапно, в самый неподходящий момент, словно это был не момент вовсе, а автобус, которого давно не было. Ты стоишь на остановке, а он все не подходит и не подходит; ты ждешь этот самый момент, когда перед тобой откроются двери, ты войдешь, тебе станет тепло и хорошо. Такие моменты надо ценить и помнить, вешать дома в рамке на стену и иногда стирать с них пыль.

Я снимал квартиру на куличках Москвы с Ириной, беременной Мартой. Марта внутри, март снаружи, и даже не просто март, а 8 Марта. Единственный день марта женского пола. Отношение женщин к Женскому дню особенное. Цветы, как положено, уже воткнуты в вазу, как в самолюбие твоей женщины, и уже дали корни. Откупорена бутылка вина, какие-то фрукты облагораживают ее. Мы в постели разводим нежности. В этот самый момент она позвонила из Италии:

– Ну давай поздравляй.

– Поздравляю! С Международным женским днем, – вспомнил я королеву в черном. И мне захотелось сделать ей шах. Но получился мат.

– Ты не любишь меня.

– Я знаю.

Успех этой женщины был предопределен тем, что она никогда не ждала подарков от судьбы, будь то Новый год или 8 Марта. Ей не нужны были ни цветы, ни слова, ни мужчины. Ей нужна была она сама. Песни – наверное, это бы-

ло тем единственным, что могло нас соединять. Мотивы таких отношений закладываются где-то в голове, а потом появляются некой навязчивой мелодией. Ходишь, напеваешь их, пока она не пропадет.

– Может, в Питер махнем? – быстро пришла в себя королева, поправив волосы.

– Назови мне хоть одну причину.

– У меня два билета.

– Это меняет дело, – хотел я сказать «тело», но сдержался. Рука моя все еще обнимала жену.

Мы договорились встретиться в Питере. Лучшее место для встреч. Романтическая крепость из гранита, где можно было проверить отношения на климат. Наладить мосты, развести, снова свести и плюнуть с них на все.

Анна, как всегда, позвонила неожиданно. Я разговаривал с ней лежа в постели с Ириной в гостинице «Советская». Суть этого разговора можно было описать одним припевом: «Пить или не пить, вот в чем вино». Снова знакомая мелодия начала звучать в моей голове.

Через несколько дней Анна прилетела в Питер. На этот раз привезла мне брюки, рубашку и галстук. Пришлось померить. Анна смотрела на меня влюбленными глазами и спрашивала Ирину: «Ну как, он тебе нравится в этом наряде?» – «Да, – отвечала Ирина, – был бы только немного повыше».

«Выше только звезды, только со мной, – оценивала свой подарок на мне Анна. – Я сделаю из тебя звезду».

В общем, слово она сдержала. Я стал звездой, при этом она не забывала навести ей блеск, придать мне лоску при каждом удобном случае. Но этот случай вряд ли можно было назвать удобным.

Народная

Если женщина прилетает к тебе в Днепропетровск образца 1986 года, в год чернобыльской аварии, значит, ей можно доверять. Что у нее к тебе не только дело, но и чувства. Можно любить, можно не любить, но при этом доверять. Иногда доверие выходит на первое место, недаром сначала вера, потом надежда, а уже после любовь. Как это по-женски. В моем случае все немного иначе: сначала любовь, хотя можно и без нее, потом вера, да, Вера будет потом, а надежда чем-то напоминает мечту, стоит ей только сбыться, будто сбыл частицу своей души. С надежды какая прибыль?

Хотя женщина сама по себе – это уже авария. Она случилась как признание, прилетела как ветер, как рыжий осенний лист, как открытка, которую ты не ждал, но получить было приятно. Я буду вечно признателен Анне за то, что благодаря ей я узнал, что такое заграница и настоящий минет. Она женщина с большой буквы, с которой у меня не могло быть чего-то постоянного. Но как хозяйке положения я мог доверить ей свое хозяйство.

У меня были концерты в Днепропетровске, когда она решила меня навестить, прилетела и поселилась в гостинице «Днепропетровск». Здание было пришвартовано к берегу Днепра. Выглянешь в окно – там сильная, здоровая река, течением которой уносит все твои нездоровые мысли. Честно сказать, их после такого напряженного графика (я тогда работал по два концерта в будни и по три в выходные)

не оставалось. Сплошная «Лунная ночь на Днепре». Даже Луна как у Куинджи, копия которой повешена в Русском музее в Санкт-Петербурге. Посмотришь на нее, повоешь. Глядишь – полегчало.

После второго концерта стильное черное платье встречало гостей в трехкомнатном люксе. Дама Пик, она угощала коньяком и шоколадными конфетами. Гостями были мы с братом. Он сказал, что черное ей к лицу, что она в нем неплохо выглядит.

«Неплохо», конечно, ей не подходило ни по званию, ни по самолюбию. Я мысленно крутанул ее в фуэте, сравнив с танцовщицей Людой, белой высокой тонкой гитарой моего гастрольного тура, героиней (героиней) моего концертного романа, и промолчал. Иногда молчание красноречивее всяких комплиментов. Просто не все умеют им пользоваться. Я уже умел. Паузы – вот что является мерилем мастерства для артиста. Откуда мне было знать, какая меня ждет начинка под этим шоколадом.

Некоторое время они еще покрутили фуэте вместе, будто соревновались, кому из них быть королевой. Но платье было одно, и оно было на Анне.

Скоро Люда испарилась в облаках своего легкого отношения к жизни. Она была легким вином, а здесь все серьезно, здесь коньяк. Словно дежурный по юмору, весь вечер Анна метала свои дежурные шутки, которыми она могла сразить кого угодно, только не меня, успевшего их послушаться

за последние два месяца. Я поливал их коньяком и заедал шоколадными конфетами. Во рту был ликеро-водочный за-вод, в голове эстрадно-симфонический оркестр никак не мог настроить инструменты на какой-нибудь знакомый мотив. Не было никаких мотивов, ради чего все это, будто кто-то за-был подключить конец. Было впечатление, что мы не только пели под фанеру, но и улыбались. Скоро коньяк начал хоть как-то попадать в ноты.

Когда мы остались одни, народная артистка СССР повела меня в спальню и уложила на кровать. «Дамы приглашают кавалеров». Это было похоже на медляк, в котором вела она. Я понятия не имел, куда, зачем и как это делают народные артисты. Но теперь я начал понимать, за что они народные – они знали, как это делать с народом.

Я лежал и не сопротивлялся. Наконец из оркестровой ямы начали выходить членораздельные звуки. Приятный мотив играл в голове все отчетливее, настроение поднималось, как торжественный флаг на линейке. На рейке развевалась всеми цветами удовольствий, став из крайней, бескрайняя плоть. Казалось, Анна нашла родник и хотела выпить меня залпом, она взяла меня не снимая платья. Королева всегда должна оставаться королевой.

Чувствовал ли я себя королем? Скорее, у нас был союз: ее прихоть, моя похоть. Она повелевала так искусно, что мне даже не приходилось подчиняться. Рабство это было приятным.

Оставаясь рабом любви, я ощущал, как во мне рождается этот дух свободы, как с каждым мгновением он все яростнее рвется наружу. «Вот откуда народные революции, восстания, когда долго сосут, из людей свобода рвется наружу», – самодовольно улыбался я про себя. Меня накрывало какой-то прекрасной волной, пока я думал, как неплохо у нее получается, и сочинял в уме песню.

Революция свершилась. Некоторое время я пребывал в теплом море любви. Продолжения, слава богу, не последовало. Королева получила все, что хотела, она молча лежала и смотрела на меня из-за черных кулис платья. По умолчанию я встал, застегнул штаны, спокойно вышел из ее номера и направился в свой.

Там меня ждал второй акт пьесы. А именно литовская красавица Люда, которая так к лицу была этой постели, как оказалось, не прекращала крутить свои фуэте, просто я о ней на время забыл. Это вышло продолжением банкета. Будто танцовщица вылезла из того шоколадно-коньячного торта, чтобы утешить мужчину после минета. Какой приятный сюрприз, добрый секс. В отличие от утра. Оно не было добрым.

– Кто это может быть? – разбудила меня нехотя Люда, мысленно открыв дверь.

– Не знаю.

«Черт, неужели, Анна? – испугался я. – Сейчас грянет буря, – спрятался я под одеяло. – Что ее дернуло в такую

рань?» – подумал я про себя.

– Доброе утро, не правда ли.

– Не правда, – узнал я голос мамы. Мама отдыхала здесь недалеко в Трускавце. Она приехала неожиданно, и мне пришлось их познакомить.

– Тебе еще не надоели тощие блондинки? – спросила мать, когда Люда смывала следы ночи в ванной.

– Надоели, – вспомнил я Даму Пик. – Давно хочется чего-то простого, народного.

Вера в Деда Мороза

Я часто думаю, что могло бы случиться сегодня, начини день не с кофе, а с шампанского. Возможно, мне было бы проще проводить этот год. В который самые наивные верили, они верили, что в новом году все будет иначе, они найдут новую работу, возьмут ипотеку, сделают ремонт, женятся, заведут детей... Они сожгли бумажки с желаниями, они проглотили их с шампанским, они ждали восхитительных изменений и шуршали целлофаном надежд, собирая подарки. Наверное, я тоже был среди них, я улыбался суете их чувств: циничный, еловый, колючий – и в душе отмечал: самые наивные всегда были самыми счастливыми на этой планете.

В этот вечер я был наивен, я верил, что в следующем году все будет иначе, я шел по Невскому, который скинул с себя свой серый кафтан, переоделся в карнавальный костюм и сверкал всеми красками праздника. Повсюду выросли нарядные елки, укутанные в гирлянды, украшенные блестящей бижутерией. Километры подсветки в виде тысячи лампочек, словно тысячи улыбок, освещали ночь и поднимали настроение.

Мое настроение тоже было на высоте. Где-то с октября я уже начинал ждать Новый год. И так до сих пор. Наверное, Новый год считался тем самым волшебником, который

должен был прийти и решить все мои проблемы. Проблем, как обычно, под Новый год накапливалось. В Деда Мороза я перестал верить лет с шести, когда он явился к нам домой в шубе, с бородой, но в черных ботинках. Морозным скрипучим голосом он попросил прочесть меня стих, я стоял под елкой и читал стишок, глядя на его черные ботинки.

Чем дольше я смотрел на эти ботинки, тем сильнее понимал, что Дедушка Мороз ненастоящий.

Потом, когда Дед Мороз ушел, я расспросил всех гостей, почему Дед Мороз в ботинках, он же должен быть в валенках. Может, он ненастоящий? Никто из взрослых не смог мне ответить, почему Дед Мороз в ботинках. Только кивали утвердительно, и слышно было, как в их голове булькает шампанское: «Самый что ни на есть настоящий Дедушка Мороз».

Сегодня было 26 декабря, и я шел к Гульнаре, это моя девушка. Мы договорились пойти на каток, и я должен был зайти за ней на Моховую, где она снимала комнату в коммуналке. Я давно уже звал ее переехать ко мне, но Гульнара не хотела ни в какую. Это было и понятно. Каждый день там словно праздник, достаточно было зайти на одну общую кухню. В этом доме в свое время расселяли театралов и художников, в общем, богему, многие так и не смогли отсюда выбраться или просто не захотели, так и остались в этой творческой коммуне. На ее кухне всегда было с кем побол-

тать о насущном, было кому пожаловаться на несбывшееся, рассказать о своих подвигах, выпить чаю или вина. В общем, перевести дух от вечной беготни за счастьем.

Меня здесь уже знали, Гулькин хахарь, как говорила Тамара Васильевна. Мощная дама в леопардовом халате, с ши-ньоном на голове, все время что-то варила, что-то стирала, что-то курила в форточку. Вот и сегодня, я сидел на этой огромной кухне на четыре плиты, три стола, шесть шкафов и одно зеркало, попивал чаек, который заварила мне Гуля, ждал, пока она наведет себе макияж, когда Тома (так ее все здесь звали) неожиданно предложила:

– Шампанское будешь?

– А не рано?

– Рано, но праздника хочется.

– Я бы не отказался.

– Как настроение у соседей? – вошла на кухню Вера Павловна. Еще одна соседка. Худая, высокая женщина неопределенного возраста с короткой стрижкой и поставленным голосом.

– Шампанское будешь? – предложила ей тоже Тома.

– Бокалы есть?

– Нет, только ванна.

– Тащи.

– Там белье лежит и Степаныч с утра, никак не может отойти от вчерашнего корпоратива. Ладно, пусть отмокает, только не говори ему про шампанское, а то он быстро отрез-

веет.

Тома достала стаканы, достала из холодильника бутылку и молча протянула мне.

– Он так быстро пьет, бутылку за два глотка.

– И спорщик ужасный. Так хочется романтики, а не споров, – закатила глаза Тома. Я открыл шампанское, которое отозвалось хлопком, но пробка при этом осталась в моей руке.

– Мастер, – улыбнулась Вера.

– Спорить я не люблю, но если меня прижать к стенке, я могу укусить. А чем дальше, тем ядовитее укусы, могу и зубы свои вставные в укусе оставить.

– Как пчела?

– В смысле?

– Она оставляет жало.

– Ну да, жалко, конечно, дороговато вышли. Поэтому не кусаюсь, просто брызжу ядом. Злость, ею всегда хочется поделиться. Хотя в душе я добрая, поэтому и живу здесь до сих пор. Хотя дети давно мне уже предлагали съехать.

– Добротой ничего не добьешься в жизни.

– А чем добьешься?

– Страстью.

– Страсти? Во мне ее было много. А куда девать, когда вокруг одни друзья и близкие люди. Время, проведенное с мамой, бабушкой, псом, – это лучшее, что у меня было в этой жизни, в крайнем случае шопинг. Ой, извини, я не хотела

сыпать тебе соль. – Налила она шампанское в стаканы, те закипели, и пена выплеснулась на стол. – Вот – я же говорю: яд из меня так и прет.

– Твоя проблема в том, что ты слишком открытая.

– Я не открытая – я не люблю сквозняков, – закрыла Тома форточку. – Теперь с наступающим, – раздала она нам стаканы и подняла свой.

– Пусть у нас все будет хорошо! – двинула свой тост Вера.

– Я не жадная, мне достаточно первых пяти слов. Пусть у нас все будет!

Девушки выпили до дна, я тоже. Эндорфины начали свой танец. Я слушал соседок вполуха, находясь где-то в своих мыслях.

– В сердце моем всегда сидел зверь, и он ел мое эго. Когда у меня что-то болит, я не люблю никого. Не люблю – но всех жалею.

– Знаешь, почему я вышла за портного, я хотела заштопать рану в душе.

– Слушай, у меня есть отличная книга, я тебе дам почитать. Она тебе точно поможет.

– Книга какого-нибудь хрена, ни черта. Дети – лучшие мотиваторы. Они смотрят. Они повторяют за тобой. Они продолжение тебя. Поэтому ты должен победить всех злодеев, включая собственную лень. Но дети уже выросли и живут своей жизнью. Они уже старше тебя, – посмотрела на меня Тамара.

– Понимаю. Это как потерять навигатор, – включился я в разговор.

– Нет, они, конечно, не потерялись, пишут, звонят по праздникам, только этого чертовски мало.

– Хватит плакаться, Тома, – налила все еще шампанского Вера. – Скоро же Новый год! Значит, снова позвонят! Я убеждена!

– Убеждения лучше иметь, иначе они поимеют тебя.

– Сразу видно – тебя зачали под плохую музыку, Тома.

– Точно не под Битлз. Оттого вся жизнь сплошные неудобства. Не то что бы жизнь смущала, просто ставила в такое положение, из которого потом трудно было выбираться.

– Я от родителей только и слышала, что учиться надо хорошо, взрослым совсем не важно было, кто ты, о чем ты думаешь, главное, чтобы училась хорошо, остальное приложится. Эта формула отбирала у людей детство так, что оно напоминало не праздник жизни, а заваленный чердак. Чердак был завален домашними заданиями. Все ради того, чтобы не оставить ребенку ни минуты повалять дурака. А ведь это так важно – повалять дурака, все равно что посмотреть на звезды, отстраниться от окружающей тебя действительности. Вот почему кто-то из взрослых смотрит на небо, отправляя в космос свои мысли, а кто-то только себе под ноги, как бы не споткнуться.

В этот момент на кухню влетел Борис Петрович и чуть

не сбил с ног Веру, ее шампанское выплеснулось из стакана на пол. Пятно зашипело на полу, словно змея.

– Шоб тебя, – зашипела Вера вслед.

– Извини, дорогуша. Что это вы тут пьете с утра пораньше?

– Бери стакан. Кстати, уже обед.

– Не, я сегодня не могу, у меня дела. Премьера на носу.

– Да ладно тебе выпендриваться.

Его все звали Боб. Он тоже служил в театре и мнил из себя великого режиссера.

– Ну как хочешь. А ты своим хоть давала повалять дурака? – вернула Тома Веру в разговор.

– Ну, конечно. Они до сих пор этим занимаются. Оба в театре. Правда, не платят там ни черта. Зато видимся почти каждый день.

– Мои на зарплату не жалуются. На время жалуются. Не хватает времени на мать.

– Деньги требуют жертв.

– Зато хорошая зарплата – это крыша над головой. В любую погоду ты можешь спрятаться, поспать, переждать дождь, а не бежать сломя голову под зонтом бог знает куда.

– Что же ты не разбогател, Боб?

– Художник должен быть голодным.

– Вот почему ты все время на кухне, – усмехнулась Тома.

– Жизнь – это рыбалка. Ты ходила когда-нибудь на рыбалку? Значит, ты никуда не ходила. Тишина, тайна, которая мо-

жет открыться, едва ты закинешь удочку, на самом деле налаживаешь связь со своим подсознанием или природой. Подсознание – это и есть природа. А когда начинает клевать, ты подсекаешь, чувствуешь тяжесть, борьбу, абсолютно не зная, кого сейчас вытащишь из потустороннего мира.

– Вот – это был типичный пример эзотерического вранья, – рассмеялась Тома. – Болтать ты мастак.

– Почему вранья? Я просто хотел сказать, что успешные люди – это те, у которых всегда ловится рыба. Они знают, где ловить, на что и когда.

– Ну так ты считаешь себя успешным?

– Ну, конечно, для меня успех – это прежде всего любовь, а потом уже рыбалка. Надо любить жизнь, девочки. Иначе она полюбит кого-нибудь другого. Конечно, все ломают голову, как превратить ее в место поприличнее, но там, где слишком много комфорта, исчезает настоящее. Невозможно все причесать, сделать ей евро, в настоящей жизни всегда случаются драки, люди пьют, потом блюют по ее углам. Жизнь и есть вышибала: если кто-то нажрался или зарвался, она выкидывает его вон. Вот такой должна быть настоящая жизнь.

– Должна... у жизни одни долги. Успеть бы все отдать.

– Возьмем нашу кухню. Кого здесь только нет: актеры, актрисы, поэты, критики, проститутки, бухгалтеры, гангстеры, рок-звезды и простые люди – все сидят под одной крышей что-то варят, парят, гладят, стирают, едят и бесконечно разговаривают. Нигде больше так хорошо не повеселишься,

как на нашей кухне, потому что здесь анархия. Каждый готовит на что горазд. Полное несовершенство. Вот ты что сейчас жаришь?

– Котлеты из конины.

– Котлеты из гнedyх лошадоk. Не жалко?

– В конине нет холестерина.

– Стихи?

– Это не стихи, это проза жизни.

– Я тоже за здоровое питание. Уже не до стихов. После пятидесяти тебя больше мотивирует процесс, чем результат, то есть не то, какую ты рыбу поймал, а то, где ловить, – допила шампанское Тома.

– Я лично еще за красивые пейзажи, за чистый воздух, за свободу, – добавил Боб.

– Свобода – ты хоть понимаешь, что это такое?

– Свобода – это цифра. Количество людей, которых ты можешь послать. Я вот всех лишниx послал, знаете, насколько жить легче стало. Правда, никому не советую, не исключены осложнения.

– В смысле?

– Я со своей свободой не достиг ничего.

– Что значит ничего?

– Своей большой квартиры, я до сих пор живу в коммуналке.

– Я так не смогу – всех сразу послать. Хотя вроде и работа уже любимая задрала, как любая жена, и деть эту работу ни-

куда нельзя, потому что деньги нужны очень, — озабоченно вздохнула Вера.

— Лучше бы ты консервировала время, а не помидоры. Ты помнишь, когда ты была счастлива, свой детский смех, вот это законсервировала. Грустно — достала, посмеялась, хорошо.

— Сейчас только один вид смеха остался — над собой. Но сколько можно, боюсь, признают сумасшедшей.

— Не волнуйся, ты не одинока. Я тоже далеко захожу в своих мыслях, а потом ищу выход.

— Скромная такая. Никогда не видел, чтобы ты вышла из себя, — вставил свою реплику Боб.

— Я так в Питер приехала. Искала выход.

— Скромные всегда из других городов, творят там невесть что, а потом приезжают сюда с полным чемоданом невинности, — добавил Боб.

— Невинность я раньше потеряла. В чемодане были один советы. Мне их с детства надавали столько, что аллергия началась, потом начали учить, даже наказывали.

— За потерю невинности?

— За то, что я привлекала к себе внимание и устраивала спектакли по пустякам.

— Так вот откуда рождаются актрисы.

— Именно. Ровно этим я и стала зарабатывать на жизнь. Спектаклями.

Шампанское кончилось, чай тоже, оставалось немного

терпения. Гуля наконец появилась. Она ворвалась на кухню, поцеловала меня и с ходу огорошила:

– Ты сегодня будешь Дедом Морозом!

– Я?

– Да. Позвонила подруга, у нее Дед Мороз заболел. Срочно нужен мужчина.

– Сдала в аренду? – усмехнулся Боб. – Смотри, уведут.

– Ну что, сможешь?

– А что там надо делать?

– Там работы на один час, придешь, детишек поздравишь, стихи послушаешь, подарки подаришь. Вот на этом всё.

– А костюм? А валенки?

– Она с собой все возьмет. В машине переоденешься.

– Валенки точно будут?

– Это так важно?

– Это самое главное.

– Значит, будут.

– Иди, иди. Выручай подругу! – улыбнулась Тома. – Снегурочка там не нужна случайно? А то настроение такое новогоднее после шампанского, жаль, пропадет впустую. – Она подошла к круглому зеркалу, которое висело на стене, и стала поправлять прическу.

– Ну и как, нравишься? – иронизировала Вера.

– С шампанским пойдет. Женщины живут периодами: стоит только подойти к зеркалу, как сразу начинается эта арифметика.

– Какая арифметика?

– Начинаешь считать себя слишком толстой, слишком худой, слишком обычной или слишком смешной.

– А сейчас?

– Слишком толстой.

– Толстой? Не смеши.

– Молчи! Театр начинается с вешалки.

– Ладно, слишком взрослой.

– Тебе сколько?

– И не спрашивай.

– И не буду.

– Для женщины главное – выспаться. Дайте женщине выспаться, и вы узнаете, как она умеет любить, – добавила Вера, посмотрев на Бориса.

– Я? Только не сегодня, Тома. Завтра у меня репетиция, – добавил Боб, пытаясь разжевать кусок горячей котлеты.

– Дурак. Разве женщине нужна спальня, чтобы доказать свою женственность? Я могу быть сексуальной, просто...

– Просто очищая картошку или отмывая кастрюлю.

– Точно!

– Я всегда мечтала выйти замуж раз и навсегда. Я думала, что меня возьмут насовсем. А взяли на десять лет. Потом выставляешь себя сначала на Тиндер, потом на Авито или Юлу. Крутишься, крутишься, в надежде, что кто-нибудь закрутится вместе с тобой.

– Как говорила моя бабушка: счастье – это здоровье и ко-

роткая память. Хотя у нее самой была длинная, оттого и болела.

– А чем она болела?

– За «Спартак». Она была фанаткой.

– Какая интересная у людей жизнь.

– Ничего интересного. Домохозяйка. Всю жизнь писала какой-то роман. Ей хватало самоиронии, чтобы не принять эту миссию за чистую монету. Однажды она мне сказала: «Я поняла – мое кредо – кухня. Я думала, что пишу великий роман, а очнулась – очередная партия комиксов».

– «Партия комиксов» – хорошее название для партии.

– Только давайте без политики, Боб.

– Жаль. Я бы сыграл партейку.

Мы с Гулей слушали эту незатейливую болтовню, куда невозможно было вставить ни слова, пока за нами не приехало такси.

Через два часа я стоял в чужой квартире возле елки в красивой шубе, с бородой и в черных ботинках. Один малыш читал стих, а второй внимательно изучал мои ботинки.

«Не верю», – сверкало в его глазах. «Еще одним не верующим в Деда Мороза стало больше», – подумал я. Возможно, эта вера должна была стать фундаментом для строительства светлого будущего, но светлое будущее в черных ботинках настораживает.

Знакомство средней обжарки

Лучшее средство ухода за собой – это уход от тех, кто тебя не любит. Она уходила по тонкому льду зимы. И дело было не только во времени года и отношениях. Она подняла голову к солнцу – на улице бурлила весна. Весна – это время, когда возомнившая себя льдом вода снова вдруг стала водой и побежала куда-то, заливаясь ручьем.

На переходе ее остановил красный свет, и она ждала вместе с пешеходами зеленого. Все что-то обсуждали, один разговор мне слышно было особенно хорошо:

– Обожаю весну.

– А меня все бесит. Влюбилась, что ли?

– Ну почти.

– Повезло тебе, а я так и не влюбилась ни разу, можно считать, что ее и нет. Снаружи вроде весна, а внутри – осень.

– Да ладно тебе.

– Да не ладно, старая дружба еще хуже старой любви. Ни заняться, ни бросить.

– Может, кофейку выпьем?

Мне тоже надо было перекусить. Иногда она позволяла себе заходить в эту пирожковую на Московском проспекте. Пирожковая была знаковая, впрочем, как и пирожки. Напротив находился ЗАГС, и иногда можно было наблюдать за нарядными парочками, которые решили разделить судьбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.